

Доктор Данилов в тюремной больнице

Автор:

Андрей Шляхов

Доктор Данилов в тюремной больнице

Андрей Леонович Шляхов

Доктор Данилов Приемный покой

Обстоятельства привели доктора Данилова в тюремную больницу. Вам традиционно не нравится отечественная медицина? Попробуйте сравнить ее с тюремной и вы поймете, как хорошо вас лечат в обычных городских больницах и как душевно встречают в районных поликлиниках. Ну, бывает, скажут грубость, зато дубинками по ребрам точно не настучат. Вредный участковый врач жадничает выписать лишнее лекарство? Разломите таблетку анальгина пополам и примите одну половинку от головы, а другую – от сердца. Ах, у вас еще и печень пошаливает? Тогда разломите таблетку на три части... Открыв эту книгу, вы узнаете о том, что представляет собой тюремная медицина без риска для вашего здоровья. И если тюрьма – это ад, то тюремная больница – котел, рядом с которым стоят люди, почему-то одетые в белые халаты!

Андрей Шляхов

Доктор Данилов в тюремной больнице

Автор благодарит всех, кто помогал ему в работе над этой книгой, и сожалеет о том, что консультанты, по каким-то своим соображениям, предпочли, чтобы их имена не были названы. Это их выбор, их решение, и ничего с этим поделать нельзя, хотя, конечно, жаль, потому что родина должна знать своих героев. Если не в лицо, то хотя бы по именам...

Имена и место действия вымышлены. События – реальны. «И всюду звук, и всюду свет, и всем мирам одно начало...» – писал Алексей Николаевич Толстой. И по ту, и по эту стороны колючей проволоки живут люди. Уникальные неповторимые Божьи создания.

А мы живем в мертвящей пустоте, —

Попробуй, надави – так брызнет гноем...

И страх мертвящий заглушаем воем,

И вечно первые, и люди, что в хвосте.

Владимир Высоцкий. «А мы живем в мертвящей пустоте...»

Единственный защитник заключенного, реальный его защитник – лагерный врач. Власть у него очень большая, ибо никто из лагерного начальства не мог контролировать действия специалиста. Если врач давал неверное, недобросовестное заключение, определить это мог только медицинский работник высшего или равного ранга – опять же специалист. Почти всегда лагерные начальники были во вражде со своими медиками – сама работа разводила их в разные стороны...

Варлам Шаламов. «Красный крест»

Глава первая

И сталью лязгнут крепкие засовы...

– Привет! Вот уж не ожидал тебя увидеть!

Бывший сосед Данилова по общежитию фельдшер Конончук постригся, и теперь вместо длинного конского хвоста на голове его щетинился короткий ежик. По мнению Данилова, Конончук от этого только выиграл, стал выглядеть лет на пять моложе. И одеваться бывший сосед стал иначе. Рокерскую косуху с цепями и кожаные штаны сменили джинсовый костюм, черную рубашку – синяя в

клеточку. Куда-то исчез металлический перстень с черепом. От прежнего Конончука остались только высокие ботинки, в просторечии именуемые «гадами». Им изменить он был не в силах.

– Здравствуй, Костя! – Данилов пожал протянутую руку, отступил на шаг, чтобы лучше рассмотреть обновленного Конончука. – Однако ты кардинально сменил имидж. Что так? Надоело?

– Почему кардинально? – удивился тот. – Чоботы же остались!

Конончук родился и вырос в Крыму. По-русски он говорил чисто, но иногда, под настроение, вставлял в свою речь отдельные украинские слова.

– Чоботы твои еще разглядеть надо, а так, если бы ты меня не окликнул, я бы мимо прошел, – признался Данилов.

– А я смотрю – неужели Вова?! Да еще с сумками! Ты что, решил вернуться?

– Да так вот вышло... – Данилов запнулся на полуслове. – В общем, да.

– Вышло так вышло, – Конончук забрал у Данилова одну из сумок. – Пойдем, провожу тебя до общаги, заодно и новости расскажу.

– Да я и сам дойду, – смутился Данилов и попытался забрать сумку обратно. – Зачем тебе свои планы ломать? Ступай, куда шел.

– Какие там планы! – Конончук махнул свободной рукой. – От нечего делать решил в выходной день в Тверь съездить, проветриться, на людей посмотреть и себя показать.

– Ну, и поезжай...

– Электричку я все равно пропустил, следующая теперь будет после перерыва, так что дружно топаем в общагу.

– Лучше возьмем машину, – решил Данилов. – Чего переться с сумками-то.

Водители, ждавшие пассажиров на площади у станции «Монаково» (некоторые местные жители гордо называли ее привокзальной), долго спорили, решая, кому везти пассажиров.

Наконец от группы отделился лысый веснушчатый толстяк и быстрым шагом устремился к красной «шестерке», стоявшей с краю в разномастной автомобильной шеренге.

– В багажнике нет места, – предупредил водитель, нажимая кнопку на брелке сигнализации.

– Нет так нет, – Данилов сел впереди, а Конончук – на заднее сиденье, рядом с сумками.

Ехали молча, слушали радио «Шансон». «Манит, манит, манит карусель, // В путешествие по замкнутому кругу, // Дарит, дарит, дарит карусель, // То надежду, то досадную разлуку», – жаловалась Любовь Успенская. Данилов подумал, что эта песня как нельзя лучше подходит к его нынешней жизни. Карусель, замкнутый круг, надежды пополам с досадной разлукой.

– Может, вас подождать? – с надеждой спросил водитель, остановив машину напротив входа в общежитие.

– Спасибо, не надо, – обломал его Данилов.

– Народ беднеет, бензин дорожает, как жить? – проворчал водитель.

– Покупать лошадь и на ней ездить! – посоветовал Конончук, вытаскивая сумки из салона. – А навоз можно продавать дачникам.

– Спасибо, я подумаю, – усмехнулся водитель и уехал.

– Видал миндал? – Конончук передал одну из сумок Данилову. – Таксистов развелось больше, чем пассажиров, а маляра или плиточника днем с огнем не найдешь. Конечно, тусоваться на станции, травить анекдоты и пару раз за день съездить куда-то приятнее, чем вкалывать по-настоящему.

– Костя, не задумывайся над глобальными проблемами бытия, – посоветовал Данилов, оглядывая общежитие, в котором ничего не изменилось. – Эти проблемы неразрешимы. Мне иногда кажется, что мир вообще состоит из таксистов с охранниками и тонкой прослойки еще не определившихся с выбором.

– Надо мне задумываться! Пошли.

За непродолжительное время отсутствия Данилова в общежитии ничего не изменилось. Те же стены, лестница и запахи. Только на конончуковской двери появилась белая табличка: «Остановка "Отдых"».

– Кофе или что покрепче?! – предложил Конончук, отпирая дверь. – У меня, если ты еще не забыл, только растворимый.

– Ничего не надо, спасибо, – отказался Данилов. – Я вообще не хочу задерживаться. Сейчас кое-куда и пойду в больницу.

– Пока ты ходишь, чайник подоспеет, – заметил гостеприимный хозяин, – а под кофе мы с тобой перетрем новости, и тогда уже будешь думать, идти тебе в больницу или нет...

– Тогда просто кофе, без покрепче, – ответил немного заинтригованный Данилов. – Я сейчас...

К его возвращению кофе был готов.

– Будем пить по-аристократически, – сказал Конончук, приглашающе указывая рукою на одно из кресел. – Без конфет и печенья. Кофе, чистый кофе и ничего, кроме кофе. Кстати, на дух не выношу хохлацкое «кава». Поубывав бы. Кава-кава. Б-р-р!

– Главное не угощение, а хорошая компания.

Данилов сел в кресло, взял со стола дымящуюся чашку и посмотрел на Конончука, ожидая обещанных новостей.

– Я, Вова, больше не работаю на «Скорой», – сказал Конончук. – Я теперь фельдшер ФБУ ИК 13/21.

– Расшифруй, пожалуйста, – попросил Данилов.

– Федеральное бюджетное учреждение исправительная колония № 13/21. Я тебе, кажется, рассказывал, что ждал места...

– Рассказывал, – подтвердил Данилов. – В поселке Алешкин Бор, если не ошибаюсь?

– Все верно.

– Значит, дождался. Так вот почему ты постригся и сменил костюмчик!

– Вообще-то меня попросили только подстричься. Костюмчик я сменил по собственной инициативе.

– Почему?

– Образ должен быть гармоничным. С такой унылой стрижкой, – Конончук провел ладонью по темени, – рокерский прикид совершенно не сочетается. Неестественно как-то.

– Согласен, – кивнул Данилов. – И как работа?

– По сравнению с тем, что было на «Скорой» – просто санаторий. Работаю на ставку с четвертью – восемь дежурств в месяц, получаю с учетом надбавок раза в полтора больше прежнего, причем не мотаюсь по всей области, а сижу на месте.

– А контингент не напрягает?

– Наоборот, радует, – улыбнулся Конончук. – Никто не скандалит, не качает права. Чувствую себя белым человеком. Духом воспрял, душой отмяк, короче, все шоколадно.

– Так уж прям все шоколадно, Костя? – усомнился Данилов. – Не могу поверить...

– Нет, кое-какие сложности имеются, – признал Конончук, – не без этого. Спецконтингент, с ним шутки плохи. Но у нас строгий режим, причем сидят те, кто мотает срок по второму или третьему разу, люди серьезные, битые-тертые, не склонные попусту осложнять свою и без того непростую жизнь, а еще у нас строгий хозяин, у которого особо не забалуешь. От начальника многое зависит, сам понимаешь. Рыба недаром с головы тухнет. Работать сложно там, где нет порядка, а там, где он есть, работать можно и нужно. Я доволен. Жалко, что мне сорок лет уже стукнуло, аттестоваться на звание не могу, а то еще больше бы получал, и на пенсию пораньше можно выйти.

– Рад за тебя, – Данилов сделал глоток кофе и удовлетворенно подумал, что главное не в том, какой кофе пить, а сколько его насыпать. – А как тебе удалось остаться в общежитии? Договорился с завхозом?

– Литр огненной воды разово плюс ежемесячно деньгами, за сколько договоришься, – Конончук улыбнулся и подмигнул, давая понять, что совсем нетрудно и недорого. – Ванька-встанька – мужик хороший, свойский, всегда войдет в положение, особенно если комнаты свободные есть...

Заместитель главного врача Монаковской ЦРБ по хозяйственным вопросам, которого в глаза величали Иваном Валерьевичем, а за глаза Ванькой-встанькой, относился к тем людям, с которыми нетрудно было поладить. Разумеется, при условии выказывания соответствующего уважения, обычно в размере литра водки или, как вариант, перцовой настойки на меду.

– ...А комнат свободных только прибавляется, Вова. Больница начала «рассыпаться», народ бежит, и чем все это закончится, неизвестно. Скорее всего, скоро всех в Тверь будут госпитализировать.

– Нормально, – одобрил Данилов. – Хорошо, хоть Тверь недалеко.

– Да, хоть в этом повезло, – согласился Конончук и многозначительно добавил: – У нас в колонии, кстати говоря, пустует ставка терапевта.

– Спасибо, Костя, но я лучше вернусь в больницу, – мысль о работе на зоне Данилова совершенно не вдохновляла. – Думаю, что главный врач меня возьмет.

– Как бы ему самому скоро не отказали... Ты, наверное, не в курсе того, что у нас творится?

– А что такое?

Будучи в Москве, Данилов совершенно не следил за монаховскими новостями.

– Все сыпется, Вова. У нас недавно арестовали главу районной администрации, около недели после твоего отъезда. С шумом, с помпой, напоказ: статьи в газетах, сюжеты в тверских телевизионных новостях, чтобы было ясно, что сухим из воды, как раньше, он уже не выйдет.

– А за что арестовали?

– За сущие пустяки, – ухмыльнулся Конончук, – запросил с какого-то бизнесмена полтора миллиона евро за оформление в собственность небольшого земельного участка в десять гектаров. Мелочовка!

– Действительно, ерунда, – подыграл Данилов. – Преступление – когда врач за пятьсот рублей больничный выдает, а землю за взятку – это рабочие моменты.

– Но тем не менее...

Конончук подул на свой кофе, сделал большой глоток и зажмурился от удовольствия.

– А главный врач тоже замешан в этой истории? – спросил Данилов.

– Нет, – покачал головой Конончук. – Кто ж его пустит к такому смачному пирогу, как распределение земельных участков? Просто из Твери прислали временного исполняющего обязанности главы района, молодого и очень приткого человека. Ему надо срочно нарыть как можно больше косяков прежнего руководства и показательно их искоренить, чтобы доказать всем свою состоятельность и пригодность к руководящей работе. А в нашей ЦРБ, как ты понимаешь, много чего можно накопать, поле непаханое... Сейчас там идет какая-то комплексная проверка, причем из Твери. Улавливаешь суть?

Данилов кивнул.

- Обстановочка - врагу не пожелаешь. Можно сказать, что средняя температура по больнице перевалила за сорок два градуса. Масла в огонь добавляет зам по медицинской части, которая то ли с перепугу, то ли желая выдвинуться, начала давать сотрудникам выговоры налево и направо. Народ, естественно, обижается и подает заявления по собственному желанию. Так что ты сперва пообщайся с народом, оцени обстановку, а потом уже иди к главному на работу проситься...

Данилов задумался. Конончук не имел склонности к преувеличениям и пустозвонству. Если все так, как он говорит, то впору возвращаться в Москву или же...

- Ты сказал, что в твоей конторе есть ставка терапевта. А анестезиолог-реаниматолог случайно не требуется?

- Нет, нам по штатному расписанию анестезиолога-реаниматолога не положено. При медчасти всего пятнадцать терапевтических коек, хирургия только амбулаторная, все сложное отправляем в Торжок, в областную больницу нашего управления. Но кто тебе мешает устроиться терапевтом? Работа нормальная - без дежурств, с двумя выходными в неделю, денег больше, чем в ЦРБ...

- Но я ведь не терапевт, у меня интернатура по АИР (АИР - анестезиология и реаниматология)...

- Это не помеха, Вова, - перебил Конончук. - У нас своя система, на многие вещи смотрят проще.

- До такой степени? - не поверил Данилов. - Ты не преувеличиваешь?

- Вова, я завтра выхожу на сутки и могу утром взять тебя с собой, - предложил Конончук. - Посмотришь своими глазами на нашу, как ты выражаешься, контору, пока только снаружи, побеседуешь с моей начальницей, а там решишь. В ЦРБ и завтра можно устроиться, один день ничего не меняет, не так ли?

- Верно, - согласился Данилов.

– Переночевать можешь у меня, – предложил Конончук, – а завтра поймешь, как тебе надо устраиваться в общагу – официально или неофициально.

Данилов с сомнением посмотрел на единственную кровать. Других лежанок в комнате Конончука не было.

– Я сегодня ночью не дома, – сказал тот, поняв причину даниловского замешательства. – Так что можешь располагаться со всеми удобствами. Главное, чтобы без четверти семь ты был готов на выход, транспорт ждать не будет...

Данилов решил, что речь шла о рейсовом автобусе, курсировавшем между Монаково и Алешкиным Бором, но транспорт оказался ведомственным – однодверным «пазиком» серо-белого цвета, который в автосалонах поэтично называют цветом белой ночи.

– Мы на полном самообеспечении, – прокомментировал Конончук, пропуская Данилова вперед.

Водитель и шестеро пассажиров (четверо мужчин и две женщины) на появление Данилова никак не отреагировали, а с Конончуком поздоровались – кто кивком, кто за руку. Все, включая водителя, были одеты в гражданское, преимущественно в практичные джинсы. Только одна женщина, на вид лет тридцати, красовалась в брючном костюме горчичного цвета и пронзительно-розовой куртке, которая была распахнута, открывая взорам глубокое декольте, из которого выпирали наружу формы весьма впечатляющего размера.

Данилов и Конончук сели в заднем ряду.

– Прапорщик Света Фроликова, инспектор по проверке и доставке писем, – прошептал Конончук Данилову, указывая глазами на женщину в розовой куртке. – Соблазнительная и неприступная, такую женщину надо покорять, как горную вершину.

– А почему без формы? – спросил Данилов.

– Народ предпочитает не светиться, переодеваются на работе, – пояснил Конончук. – У нас не принято афишировать место работы, да и форма

надоедает...

«Пазик» ехал не прямой кружной дорогой, собирая пассажиров в условленных местах. Под конец не осталось сидячих мест, несколько человек ехали стоя. Данилов попытался уступить свое место пожилому мужчине, стоявшему около его сиденья, но тот отказался.

- И так целыми днями сижу, - сказал он. - Надо же когда-то и геморрой проветривать.

- А ты, Алексеич, почаще обходы делай! - посоветовал кто-то из сидевших впереди.

- Не учи ученого, поешь дерьма толченого! - откликнулся мужчина.

«Нравы здесь простые», - отметил в уме Данилов.

С одной стороны, простые нравы - хорошо. С другой стороны, всего должно быть в меру.

Внешне контора оказалась в точности такой же, как и представлял Данилов. Сплошной бетонный забор с пущенной поверху колючей проволокой, сторожевые наблюдательные будки-вышки на металлических ножках, зеленые металлические ворота, рядом трехэтажное здание с зарешеченными окнами... Машина заезжать на территорию колонии не стала, все пассажиры вышли возле двери контрольно-пропускного пункта, слева от ворот.

Сотрудники гуськом потянулись в зеленую металлическую дверь, рядом с которой висела синяя вывеска: «Федеральное бюджетное учреждение исправительная колония № 13/21 УФСИН России по Тверской области».

- Вова, ты погуляй пока полчаса, - сказал Данилову Конончук. - Если кто поинтересуется, что ты тут делаешь, скажи, что ждешь собеседования у начальника медицинской части майора Баклановой. Запомнил?

- Да. А ты уверен, что она меня сразу примет?

– Насчет примет не знаю, – хохотнул Конончук, – это как понравишься, но познакомиться с тобой захочет сразу же. Лариса Алексеевна не любит тянуть волынку, и терапевт ей позарез нужен. Короче, гуляй, а я за тобой выйду. Мобильный включен?

– Да.

Свободное время Данилов посвятил изучению местности: прошелся туда-сюда вдоль забора, оценил разнообразие автопарка на стоянке (от «шестерки» до «паджеро»), нашел неподалеку торговую площадку, образованную четырьмя палатками. Ассортимент был обычным сельповским: сигареты, печенье, чипсы, чай, сахар, вода в бутылках разного объема, элементы питания и т. п., но имелись и свои особенности, обусловленные близостью к зоне. Так, в витрине одной из палаток висели черные семейные трусы, украшенные бумажкой с надписью «Есть все размеры». Картонка в витрине другой палатки сообщала, что «имеются белые простыни и наволочки». Данилов не был знаком с лагерными порядками (разве что по книгам и сериалам), но еще с работы на «Скорой» знал, что на зону разрешено только белое постельное белье, без узоров и цветочков, от фельдшера, сетовавшей на то, что в век всеобщего изобилия она не может найти белые простыни, которые требовались ее брату, отбывавшему срок.

Из-за раннего времени палатки пустовали, только возле одной разгружалась заслуженная, поржавевшая во многих местах белая «четверка».

– Чего надо, брат? – сверкнул золотыми зубами пузатый чернявый мужчина, таскавший коробки из машины в палатку.

– Ничего, я просто гуляю, – ответил Данилов.

– Сегодня санитарный день, брат, – толстяк, как показалось Данилову, был рад отвлечься от своего унылого занятия, – свиданок нет, ни коротких, ни долгих, передачи не берут!

– Спасибо, буду знать, – ответил Данилов.

– Выходит кто-то? – предположил собеседник, расплываясь лицом в улыбке. – А что так рано приехал? Раньше часа все равно не выпустят...

– Я по своему делу.

– А-а, ясно! – Толстяк еще раз сверкнул зубами, заговорщицки подмигнул Данилову и возобновил разгрузку.

Спрашивать, что ему стало понятно, Данилов не стал. Он обошел вокруг палаток и вернулся к воротам, от которых как раз отъезжал пазик, увозивший отработавшую смену.

От ворот, с пригорка, был виден поселок Алешкин Бор, находившийся на расстоянии полутора километров – цепь разномастных одноэтажных домов, за которыми стояли дома повыше, в два и три этажа. К поселку вела грунтовка, отходившая от асфальтированной дороги, соединявшей колонию с трассой Москва – Санкт-Петербург. «Интересное название Алешкин Бор, – подумал Данилов. – И где вообще сам бор, сосновый лес? Вырубили, наверное...»

Никакого леса поблизости не было, одни поля да какие-то приземистые, вытянутые в длину строения – то ли склады, то ли фермы. Лишь вдали, чуть ли не у самого горизонта, тянулись шеренгой деревья.

Принюхавшись к воздуху, Данилов решил, что непонятные строения, скорее всего, являются складами или какими-либо другими промышленными объектами. Свиноферма или птицеферма благоухали бы на всю округу. Вроде бы плохо, что животноводство с птицеводством повсеместно в упадке, но, с другой стороны, чистый воздух тоже хорошо. Во всем есть как хорошие, так и плохие стороны, не бывает лекарства без побочных действий.

От философских дум, которым так хорошо предаваться поутру на свежем воздухе, Данилова отвлек Конончук.

– Пойдем, – махнул он рукой с крыльца. – Начальник ждет.

– Экий ты франт, Костя! – похвалил Данилов, оценив по достоинству белоснежный, накрахмаленный до хруста халат Конончука и новенькую хирургическую форму под ним.

– А як же! – польщенно ответил Конончук.

За железной дверью началось интересное. Данилов и Конончук попали в небольшой тамбур-шлюз. Верхняя половина правой стены была прозрачной (какое-нибудь особо прочное стекло или пластик) и зарешеченной. Внизу, там, где прозрачное смыкалось с непрозрачным, вырезано небольшое прямоугольное окошко. Выход в коридор был перегороден решетчатой металлической дверью. Над дверью висели рубиново-красные таблички: «Одновременный проход не более трех человек!» и «Внимание! Проход с оружием, средствами мобильной связи, фотоаппаратами, аудио- и видеозаписывающей аппаратурой запрещен!» Строгость им придавало не кустарное исполнение, а обилие восклицательных знаков.

– К майору Баклановой! – сказал Конончук мордату розовощекому капитану, сидевшему за столом по ту сторону.

– Паспорт! – потребовал тот.

Данилов просунул в окошечко свой паспорт. Капитан раскрыл его, сличил фотографию с внешностью, снял трубку с аппарата, стоявшего на его столе.

– Лариса Алексеевна, к вам Данилов Владимир Александрович... Да, да, хорошо, – капитан вернул трубку на место и спросил у Данилова: – Запрещенка есть?

– Сдай мобильник, – перевел Конончук, – только выключи сначала.

Паспорт Данилову капитан не вернул, оставил у себя. Данилов получил пластиковую бирку с номером, похожую на те, что выдают в гардеробах. Номер попался восьмой.

– А если потерять номерок, то не выпустят? – пошутил Данилов, пряча бирку в карман.

– Выпустят, – обнадежил Конончук, – тебя же еще в список вносят, и паспорт здесь остается. Раз с паспортом, значит, не эк.

Капитан, услышав вопрос Данилова, усмехнулся краем рта, но от комментариев воздержался.

За дверь появился прапорщик в серо-голубой пятнистой форме и загремел-заскрежетал засовом и замками. «И сталью лязгнут крепкие засовы», – всплыл в памяти Данилова обрывок блатной песни. Впустив Данилова и Конончука в коридор, прапорщик запер дверь и обратился к Данилову:

– Запрещенное к проносу имеете?

– Нет, – ответил Данилов.

– Руки поднимите!

Данилов поднял вверх руки, думая о том, что слово «пожалуйста» редко бывает лишним или неуместным. Прапорщик без особого рвения похлопал его ладонями по бокам и махнул рукой, давая понять, что можно идти дальше.

– Нам на второй этаж, – сказал Конончук и повел Данилова по коридору к лестнице. – Это вольный штаб, который находится за пределами зоны. На зоне есть еще один штаб, куда допускаются заключенные. В вольный штаб им хода нет, только на свидания приводят на третий этаж, там что-то вроде местной гостиницы – комнаты для длительных свиданий. С охраной, конечно, чтобы не слиняли. И кабинки для краткосрочных свиданий там же.

– А комнаты для длительных свиданий с телевизором и холодильником? – сыронизировал Данилов, но неожиданно попал в точку.

– И даже с DVD-плеером, – ответил Конончук. – Любой каприз за ваши деньги.

Кроме КПП, ничего особенного здесь не было. Крашенные зеленой краской стены, двери с табличками или с номерами, линолеум на полу. Только у сплошной металлической двери с надписью «Выход» сидел не охранник в традиционно-черной форме, а еще один прапорщик в пятнистой форме.

– Какой смысл носить в колонии маскировочную форму? – удивился Данилов.

– Она самая удобная, вот многие и носят, – ответил Конончук. – Не всем же можно в хирургической пижаме ходить.

На втором этаже Конончук остановился возле двери с красной табличкой: «Заместитель начальника колонии по лечебно-профилактической работе».

– Бакланову зовут Лариса Алексеевна, – тихо сказал он Данилову и постучал в дверь три раза.

– Войдите! – разрешил зычный женский голос.

Майор Бакланова оказалась пышнотелой брюнеткой лет сорока. Ее обильные (если не сказать избыточные) телеса еле-еле вмещались в тесноватую одежду. В кабинете было душновато, поэтому его хозяйка сидела за столом без кителя, в форменной блузке. Китель не валялся на стуле, а висел на плечиках возле двери в компании двух белых халатов. В кабинете царил идеальный порядок: стулья выстроились вдоль стены ровной шеренгой, книги и бумаги лежали на столе аккуратными стопками, на экране монитора в косых солнечных лучах не было видно ни пылинки, а горшок с кактусом стоял ровно по центру подоконника. Косметикой майор Бакланова пользовалась по минимуму, прямые волосы стригла коротко, оставляя спереди недлинную, заканчивающуюся задолго до бровей челку. Выпяченная нижняя губа придавала ее лицу высокомерное недовольство окружающим миром.

«Классический типаж строгой начальницы, живущей по принципу «Ordnung muss sein» (Порядок должен быть. – нем.), – подумал Данилов.

Бакланова кивком отпустила Конончука и попросила у Данилова документы. Он протянул диплом, военный билет офицера запаса, трудовую книжку, удостоверение об окончании интернатуры и сертификат специалиста по специальности «Анестезиология и реанимация».

Знакомство с документами Бакланова начала не с трудовой книжки, а с диплома, который вертела и так, и сяк. Удостоверение об окончании интернатуры раскрыла и сразу же захлопнула, а сертификат разглядывала долго, даже дольше, чем диплом.

– В интернетах сейчас что угодно заказать можно – хоть диплом, хоть сертификат, – сказала она, словно оправдывая свой пристрастный интерес. – Уже заполненными привезут, только денежки плати. А мы потом имеем неприятности от Роспотребнадзора...

– А я думал, что всех, кто к вам устраивается, проверяют заранее, – сказал Данилов.

– Они сверяют соответствие паспортных данных, есть ли судимость, не были ли судимы близкие родственники, дипломами и всем остальным не интересуются. Единой базы нет, запросы по институтам рассылать нет ни времени, ни желания.

К количеству записей в трудовой книжке майор Бакланова, вопреки ожиданиям Данилова, придраться не стала. Пролистала и отложила в сторону.

После знакомства с документами началось собеседование.

– Представление о нашей работе имеете?

– Смутное, – честно признался Данилов и поправился: – О врачебной стороне, разумеется, имею, а об условиях – нет.

– Работа у нас ответственная, не всякий справится, – веско произнесла Бакланова. – Со спецконтингентом имеем дело, а спецконтингент – это спецконтингент!

Взгляд из внимательного стал строгим.

– Люди везде одинаковы – и болеют и лечатся также, – ответил Данилов.

– Только вот ведут при этом они себя по-разному. Если вы намерены у нас работать, то вы должны понимать нашу специфику, соблюдать все правила...

Редко какой начальник во время собеседования не вспомнит про дисциплину и необходимость ее строжайшего соблюдения. Из дисциплинарного монолога майора Баклановой Данилов узнал о том, что дисциплина есть не что иное, как стержень, на котором держится исправительная колония.

– У нас зона красная, – веско и не без гордости заявила Бакланова и тут же растолковала: – Власть в руках администрации и примкнувшего к ней актива. Хозяин у нас один – начальник колонии полковник Скельцовский. Других хозяев

здесь нет. Голова должна быть одна, я правильно говорю?

Наверное, полагалось вскочить, вытянуться в струнку и гаркнуть: «Так точно, товарищ майор внутренней службы!», но Данилов не любил отвечать на риторические вопросы. Впрочем, Баклановой ответ и не требовался.

– Вас подробно проинструктируют, разъяснят правила взаимоотношений с осужденными и их родственниками, – в слове «осужденный» ударение было сделано на «у», – но я скажу главную суть: с осужденными можно контактировать только в рамках инструкций! Они тоже не пальцем деланные, знают, как подчинить себе сотрудника. Сегодня попросят опустить письмо в вольный почтовый ящик, завтра – бутылку водки или пару пачек чая в зону пронести, а там уже вы у них на крючке. «Коготок увяз – всей птичке пропасть», – это вам не просто так сказано, а про тех, кто позволяет себе лишнего с осужденными...

Собеседование получалось каким-то странным. Из него выпала главная часть: расскажите о себе и о том, почему вы хотите работать у нас. И это при обилии записей в трудовой книжке и внезапной смене работы в столице на работу в провинции. «Меня что, уже приняли? – мысленно удивился Данилов. – Или просто товарищу майору хочется выступить перед свежим слушателем?»

От дисциплины Бакланова перешла непосредственно к работе:

– Терапевт у нас ведет амбулаторный прием, наблюдает больных в стационаре и проводит осмотры. Самое сложное, конечно, прием новой партии...

Данилов решил, что пора бы уже прояснить ситуацию.

– Простите, Лариса Алексеевна, но вы говорите так, словно вопрос о моем принятии на работу уже решен, – сказал он.

– Да, все так! – Бакланова с удивлением посмотрела на него. – А стала бы я иначе перед вами тут распинаться, время тратить?

– Как-то все быстро, – улыбнулся Данилов. – Можно сказать, сразу.

– А какой смысл тянуть резину? Константин сказал, что привел на собеседование доктора, который не прочь у нас работать. Я позвонила в Монаково вашему прежнему руководству, навела справки, а потом посмотрела вас и ваши документы. Что еще? Или вы уже успели передумать?

– Нет, – честно ответил Данилов. – Только вот, насколько я понимаю, вам нужен терапевт, а я ведь – АИР, и сертификата по терапии у меня нет.

– Ничего страшного, главное, что хоть что-то есть. Начнете, там видно будет. Только аттестоваться сразу не рассчитывайте, тем более что сейчас ходят слухи о том, что с нас вообще хотят снять погоны. Ну, с бухгалтеров их снять давно пора, они же, кроме своей бухгалтерии, никуда не ходят, а мы непосредственно работаем со спецконтингентом. Да, мы не занимаемся оперативной или надзорной деятельностью, но что это меняет? Риск-то у нас одинаковый и сложности те же самые...

– О подобном вопросе я совсем не думал, – поспешил ответить Данилов, всерьез испугавшись, что придется выслушивать еще один длинный монолог.

– Я когда-то тоже не думала, – Бакланова вздохнула, отчего узковатая блузка затрещала по швам. – А поработала полгода и решила, что надо. Деньги другие, я, например, за майорские погоны одиннадцать с половиной тысяч в месяц получаю, выслуга год за полтора, отношение другое. Когда начинаешь ходить под погонами, чувствуешь себя не кем-то там, а человеком из системы!

«"Человек из системы", – это здорово сказано! – восхитился Данилов. – Но не про меня».

– Нам нужны врачи, которые поднаторели в экстренной медицине, ведь отсутствие в медчасти ставки реаниматолога еще не означает, что в колонии ничего экстренного не случается. А еще какие специализации имеете, Владимир Александрович?

– По физиотерапии.

– Ну, это нам ни к чему, – Бакланова скривила губы. – Наши физиотерапевты относятся к другим службам.

– К каким? – Данилов не понял, что товарищ майор шутит.

– К тем, которые охраняют и обеспечивают, – усмехнулась Бакланова. – Кто с дубинкой ходит, тот и физиотерапевт.

Это Данилову не понравилось, поэтому он никак не отреагировал.

– На самом деле я бы не отказалась иметь в медчасти физиотерапию, хотя бы для сотрудников, – уже серьезно продолжила Бакланова. – А то ведь смешно получается: работаю заместителем по лечебно-профилактической работе, а гайморит свой прогреваю в поликлинике. Смешно...

Говорить о том, что эту работу он рассматривает как временную, в будущем планирует вернуться в Москву, Данилов не стал. После возвращения в Монаково подобное заявление выглядело смешным, если не глупым. Поживем, там увидим.

В целом работа выглядела вполне сносной, разумеется, с учетом того, что в Москве Данилову ничего подходящего найти не удалось, а возвращаться в монаковскую ЦРБ, переживающую смутные времена, не хотелось. К тому же Бакланова подтвердила, что работать Данилову придется пять дней в неделю, без дежурств, и получать за это он будет не меньше двадцати пяти тысяч, возможно, и больше.

– Иногда приходится перерабатывать или выходить на дежурство, если нечем заменить дежурного фельдшера, но вам, вольнонаемным, все оплачивается, – сказала она.

– А аттестованным не оплачивается?

– Нам говорят: «Вы офицеры? Извольте выполнять!» – Бакланова снова вздохнула, пробуя свою блузку на прочность.

«И человекам из системы приходится несладко», – подумал Данилов.

По окончании собеседования Бакланова проводила его до выхода. Попутно она углядела на столе у мордатого капитана недоеденный бутерброд с вареной колбасой и устроила ему выволочку.

– Дай вам волю, вы тут свиарник устройте! – неслось вслед выходящему Данилову. – Дома небось не кидаете жрачку, где попало...

«Суровая женщина, – подумал Данилов. – И голос командирский. С таким голосом можно и в полковники, если не в генералы!»

Данилов посмотрел на небо, по которому лениво плыли облака, оглянулся на зеленую дверь, попробовал представить ощущения, которые испытывает человек, покидающий колонию после длительной отсидки. Из-за недостатка опыта представление вышло очень расплывчатым.

Где находится автобусная остановка, Данилов не знал, но возвращаться на КПП ради этого не хотелось. И так ясно, что надо топтать по асфальтированной дороге до трассы, все равно остановка должна быть там.

Легкость приема на новую работу можно было считать каким-нибудь добрым знаком, но Данилов не обольщался. На безрыбье и рак рыба. Если нужен терапевт, кандидатур нет, то и анестезиолог-реаниматолог подойдет. Вопрос только в том, сколько удастся проработать без терапевтического сертификата, но это, если вдуматься, действительно не проблема: если потребуется, направят на учебу, никуда не денутся.

Все к лучшему в этом мире.

Глава вторая

Обход

Большой обход – территории с осмотром всех жилых и производственных помещений в исправительной колонии № 13/21 проводился по вторникам.

Майор Бакланова в качестве заместителя начальника колонии по лечебно-профилактической работе обходила территорию лично. Данилова, у которого сегодня был первый рабочий день, она взяла с собой для ознакомления с учреждением.

Церемония представления нового врача коллегам была молниеносной.

– Наш новый терапевт – Владимир Александрович, – сказала Бакланова сотрудникам, собравшимся в ее втором кабинете, расположенном в двухэтажном здании медицинской части.

Майор Бакланова совмещала обязанности заместителя начальника колонии по лечебно-профилактической работе с должностью начальника медицинской части. Потому кабинетов у нее было два. Более низкий по рангу кабинет начальника медчасти был вдвое просторнее кабинета заместителя начальника, потому что выступал еще как помещение для собраний.

Коллеги посмотрели на Данилова, не выражая никаких чувств относительно его появления.

Обход начался с медчасти. Бакланову сопровождали Данилов и руководитель санитарно-бытовой секции колонии, пожилой скуластый зэк, на левом рукаве бушлате которого была нашивка, указывающая на его принадлежность к активу. Фамилия у него была Мосолов, но Бакланова по-своему называла его Мослом. Данилов шел рядом с начальницей, а зэк держался на два шага позади них.

На первом этаже медчасти располагались кабинеты хирурга, терапевта, стоматолога, психиатра, фтизиатра, рентгенологический, процедурный кабинет и лаборатория. Двери всех кабинетов были гостеприимно распахнуты. Сотрудники, сидевшие за столами, вставали при появлении Баклановой, но по стойке смирно не вытягивались.

Бакланова шла по коридору, заглядывая в каждый кабинет, но заходила только туда, где замечала непорядок. Сегодня их нашлось два: пыль на полках одного из шкафов в процедурном кабинете и не совсем чистое полотенце в кабинете хирурга. Полотенце Бакланова молча швырнула на пол и пошла дальше, а медсестре процедурного кабинета сказала:

– Не хочешь вытирать пыль, будешь ее вылизывать!

Медсестра не обиделась: потупила глаза и забубнила, что больше такого не повторится.

– Медсестер процедурного кабинета нам, как пятнадцатикоечному стационару, по штатному расписанию не положено, – сказала Бакланова Данилову, поднимаясь по лестнице. – Приходится ставить туда палатных сестер, у которых оклады поменьше, компенсируя разницу премиями.

На втором этаже находился стационар: три четырехкочных палаты, двухкочная и однокочная, она же – изолятор. Металлические двери всех палат были снабжены снаружи засовами. У входа сидел очередной пятнистый сотрудник.

– Обычно мы больных в палатах не запираем, – прокомментировала Бакланова, заметив удивление Данилова, не ожидавшего увидеть засовы на дверях, – но всякие бывают ситуации. Иногда приходится.

Койки и тумбочки в палатах были привинчены к полу, что сразу напомнило Данилову психиатрическую клинику.

Из пятнадцати коек было занято всего три кровати в одной палате.

– Этих возьмете себе, – Бакланова поочередно указала взглядом на двух больных, – Саркисов с пневмонией, а Ежевичкин – диабетик. А Гвозденко – хирургический.

Больные лежали на кроватях не в черной форме, а в спортивных костюмах, заменявших им больничные пижамы.

– Вы всех помните по фамилиям? – спросил Данилов, когда они вышли в коридор.

Вопрос, заданный без всякой задней мысли, начальнице понравился.

– По фамилиям, по отрядам, многих еще и по срокам и статьям, – ответила она. – И откуда они, тоже помню.

– Лариса Алексеевна все помнит и видит! – сподхалимничал Мосолов.

– Не лезь в чужой базар, Мосол! – осадил его Бакланова. – Когда тебя спросят, тогда и рот откроешь! Тоже мне, нашелся комплиментщик! И попробуй еще раз назвать меня не так, как положено...

– Извините, гражданин майор! – Мосолов вытянул руки по швам. – Больше не повторится!

Данилов вчера прошел инструктаж и знал, что заключенные (слово осужденные пока еще не укрепилось в его лексиконе) должны обращаться к сотрудникам на «вы», называя «гражданином» или «гражданкой», далее по званию или должности. Мосолов почему-то называл женщину «гражданином», то ли оговорился, то ли здесь так принято. Данилова, как неаттестованного сотрудника, следовало называть «гражданин врач» или «гражданин доктор». Он подумал, что это звучит прикольно, не смог удержаться от улыбки.

– Не вижу повода для улыбок! – нахмурился заместитель начальника по кадрам и воспитательной работе подполковник Пецоркин, проводивший инструктаж. – Стоит только на шаг отступить от инструкций и дать послабление, как спецконтингент сожрет вас с костями и дерьмом! Сегодня обратятся не так, как положено, а завтра попросят...

– Пронести на зону водку или чай.

– Вот-вот! Вижу, что вы все понимаете...

Подполковник Пецоркин был невысок, худощав, лыс и очень энергичен. Инструктаж растянулся на добрых четыре часа. Первый час Данилов читал инструкции и приказы, затем слушал то же самое в пересказе с комментариями и отвечал на вопросы, закрепляя полученные знания. Надо отдать Пецоркину должное: к инструктажу он подходил творчески, стараясь донести до Данилова не только формальные, но и неофициальные правила.

– Зона у нас красная, блатные порядки мы игнорируем, но кое с чем приходится считаться. Например, в медчасти старайтесь класть «обиженку» отдельно, а то можете на ровном месте проблему получить...

Данилов вышел от Пецоркина не только с гудящей головой, но и с представлением о том, как надо себя вести на новой работе.

– Я к вашему брату, к медикам, отношусь с особым вниманием, – сказал на прощание подполковник. – Вы, с одной стороны, гуманисты, а с другой – сотрудники нашей колонии. Сложно вам, это как ежа и ужа скрещивать, как ни старайся, все равно выйдет метр колючей проволоки. Иногда, может, чисто по-человечески и посочувствовать хочется, а как задумаешься, кто перед тобой...

– Врачу лучше об этом вообще не думать, – ответил Данилов. – Больной, значит, надо лечить. Все остальное не имеет значения.

– Формально вы правы, – согласился Пецоркин. – Но жизнь наполняет форму новым содержанием. Я подожду, что вы через полгода скажете.

– То же самое.

– Поживем-увидим...

Вернувшись на первый этаж, начальница велела Мосолову подождать на выходе, а сама привела Данилова в кабинет терапевта для знакомства с рабочим местом и медсестрой. Медсестра Марина Данилова не впечатлила: неприветлива, смотрит букой, никакого интеллекта во взгляде. «А может, просто болеет, и оттого не в духе?» – подумал Данилов. Выглядела Марина и впрямь не очень здорово – худая, бледная, волосы, как мочалка.

– После обхода ознакомьтесь с документацией, – распорядилась Бакланова. – Марина вам все покажет. Сегодня у вас адаптационный день, входите в курс дела, больными начнете заниматься завтра.

– А если кто сегодня обратится?

– Фтизиатр наш примет, он совмещает с терапевтом.

Из медчасти направились в столовую, забрав с собой сопровождающего – коренастого усатого прапорщика по фамилии Плещаков. Впрочем, не исключено, что коренастым его делала пятнистая форма, визуально увеличивающая объем. К прапорщику Бакланова обращалась по-свойски – Сергеич. Женщинам в мужской колонии положен сопровождающий из числа сотрудников, мало ли что кому-то из осужденных в голову взбредет.

– Нам приходится заниматься всем – и лечением, и гигиеной. Пищеблоку – особое внимание...

Данилов не столько слушал, что говорит Бакланова, сколько оглядывался по сторонам. Посмотреть было на что: заборы (сплошной наружный и много внутренних сетчатых), увенчанные рядами колючей проволоки, будки-вышки с автоматчиками, люди в черном, в пятнистом... Где-то надсадно лаяли собаки.

– Проволока под напряжением? – спросил Данилов.

На эту мысль его натолкнули фарфоровые изоляторы.

– Нет, просто колючка, – ответила начальница. – Ток давно уже не подключают. Экономия. Да он, если разобраться, и не нужен.

Пищеблок, пекарню (колонии положено ее иметь – выгодно, удобно, и заключенные делом заняты) и столовую осматривали дотошно, причем здесь руководитель санитарно-бытовой секции не шел сзади, а активно рыскал по углам в сопровождении двух заключенных в белых поварских куртках и одного в черной форме с нашивкой на рукаве. Даже горячие котлы, в которых готовилась пища, не остались без внимания.

Бакланова проверяла чистоту не только зрительно, в подозрительных местах проводила пальцем или платком. Попутно, не отрываясь от основного занятия, она просвещала Данилова.

– С нашим замом по тылу вы еще не знакомы... Леха вообще-то неплохой мужик, но порой его клинит, и он начинает гнать пургу...

Заместителями по тылу в армейских и приближенных к ним системах называют завхозов.

– Где-то раз в год ему начинает казаться, что врачи должны участвовать в закладке продуктов вместе с оперативным дежурным. Имейте в виду, что это – бред! В журнале закладки продуктов должен расписываться оперативный дежурный, врач ею не занимается, он только допускает пищу к раздаче. Порядок знаете?

– Попробовать из каждого котла и, если все нормально, расписаться в журнале, – ответил Данилов.

– Хотя бы понюхать и посмотреть, – хмыкнула Бакланова, давая понять, что пробовать не обязательно.

Из котлов, кстати говоря, пахло довольно сносно. Судя по запаху, сегодня на обед готовили борщ и пшенную кашу.

– Но в любом случае надо прийти на пищеблок и заглянуть в котлы. А то некоторые хотят, чтобы им журнал в медчасть приносили. Максим Гаврилович за такую оптимизацию может голову оторвать, учтите.

По окончании осмотра каждого объекта Бакланова расписывалась в журналах санитарного состояния, которые ей, заранее открыв, подносил Мосолов, еще и ручку подавал. Данилову эта процедура напомнила церемонию подписания важных договоров из телевизора.

По дороге от столовой к бане Бакланова поинтересовалась:

– Как впечатление?

– Нормальное, – ответил Данилов. – Я представлял все в более мрачных тонах, а здесь не так уж и плохо, вон, некоторые даже улыбаются.

– Это у них показное, – нахмурилась Бакланова. – Многие на УДО (условно-досрочное освобождение) надеются, вот и симулируют доброжелательность. Вон, хоть Мосла возьмите, – Бакланова обернулась, чтобы посмотреть на следовавшего позади зэка, но голоса не понизила – пусть слушает, – бегают, старается, весь такой из себя сознательный, а осужден по сто пятой, часть вторая.

– В чем ее суть?

– Убийство с отягчающими обстоятельствами. Кодекс, Владимир Александрович, надо не только чтить, но и знать! Но ничего, за месяц все выучите. У нас здесь серьезные люди сидят, в основном за тяжкие и особо тяжкие преступления –

изнасилования, вымогательства с причинением ущерба, тяжкие телесные, грабежи, разбои, убийства... Попадаются, правда, и приличные люди, такие, как завклубом Егоян. Он сидит по двести девяностой, часть четвертая – за взятку.

– Разве за нее строгий режим положен, Лариса Алексеевна? – Данилов, хоть и не любил взяточничества, но не мог поставить знак равенства между ним и убийством или разбоем.

– Если в крупном размере, нет, при неоднократных случаях положен. Тем более что Егоян пошел по делу паровозом... Знаете, что такое идти паровозом? Ну, вы совсем как с другой планеты! Это означает взять всю вину на себя, выгораживая подельников, которые у него были ого-го! – Бакланова понизила голос до шепота. – Егоян сидит, как король, сразу завклубом сделали, передачи без конца носят, живет не в общежитии, а в клубе. Негласно, конечно...

Во время инструктажа подполковник Пецоркин предупредил Данилова, чтобы он называл жилые помещения колонии «общежитиями», а не «бараками», как их именуют сами заключенные.

– Сотруднику не к лицу говорить на фене, – сказал Пецоркин, но и в его речи, и у майора Баклановой частенько проскальзывали жаргонные словечки.

– ...А у нас его оставили, когда первоходов от рецидивистов отделяли, потому что он наш, – Бакланова продолжила рассказ о завклубом. – Ухитрился в СИЗО на следующий день после суда заработать еще один срок. Избил сокамерника, который его чем-то оскорбил, да так, что сломал челюсть и руку. Когда пошел разговор о том, что осужденных будут разводить по разным колониям, мы так боялись, что нам оставят «первоходов», но ничего, обошлось.

– Разве с рецидивистами работать легче, Лариса Алексеевна?

– Не то слово. Они уже обкатаны зоной, лишняя борзота с них давно сошла, а вот от «первоходов» можно ожидать чего угодно. Верно я говорю, Мосол?

– Да, гражданин майор! – откликнулся Мосолов. – Старики молодняк уму-разуму учат, недаром же в СИЗО народ всегда так распределяют, чтобы в каждой хате знающие люди были. Хотя бы один-два человека.

– Какой-то маразм с этой реорганизацией нашей системы, – Бакланова махнула рукой, выражая свое неодобрение реформам, – спецконтингент разделили, секции дисциплины и порядка упразднили. А разве можно поддерживать нормальную ситуацию в колонии без опоры на самых сознательных осужденных?

Данилов придерживался другого мнения, считая, что нельзя разрешать одним заключенным командовать другими, поэтому ничего не ответил. Но Бакланова явно приняла его молчание за знак согласия.

– Поэтому вместо секции дисциплины и порядка у нас сейчас есть секция помощников администрации. А у соседей ее переименовали в секцию пожарной безопасности. И наверху отчитались, и внизу все довольны...

Баня (она же – санпропускник для новичков) и расположенная в том же здании прачечная гордо назывались банно-прачечным комбинатом. Выглядела она непрезентабельно: ржавые трубы, обшарпанные стены, щербатый пол, в углах чернел грибок, неторопливо ползали мокрицы. Там было восемь душей и столько же пар кранов с холодной и горячей водой для набора в тазы.

– Баня, конечно, не ахти какая, – сказала Бакланова, заметив скептический взгляд Данилова. – Но в этом году Максим Гаврилович обещал капремонт. Будет у нас не только баня, но и сауна.

– Для сотрудников? – уточнил Данилов без всякой задней мысли.

– А вы юморист! – усмехнулась Бакланова. – Для поощрения особо отличившихся осужденных будет сауна.

– Хорошее поощрение, – одобрил Данилов.

– По науке действуем – кнутом и пряником...

В магазине для заключенных, который при появлении майора Баклановой мгновенно опустел (четверо покупателей поздоровались и тут же вышли на улицу), Данилов успел оценить ассортимент. Он был представлен консервами (голубцы, гуляш, икра кабачковая, паштет, сгущенное молоко, тушеная говядина и сердце, шпроты, килька, сайра), четырьмя видами печенья, молоком, сыром

(голландский и брынза), сметаной, творогом, яйцом, бульонными кубиками, кетчупом, подсолнечным и сливочным маслом, тремя видами котлет, предметами бытовой гигиены (от мыла до туалетной бумаги), канцтоварами (карандаши, ручки, тетради). Также имелись растворимый кофе и чай, изюм, мед, шоколад, соль, сахар, сода и шесть видов сигарет. Одежда была представлена футболками и носками.

- А почему нет трусов? - поинтересовался Данилов у флегматичной продавщицы.

- Не завезли, - ответила та.

У дверей клуба инспекцию встретил курчавый кареглазый брюнет, отличавшийся от других заключенных упитанностью и улыбчивостью.

- Ну, что, Егоян, всю порнуху успел припрятать? - поинтересовалась Бакланова, переступая через порог.

- Какая тут может быть порнуха, Лариса Алексеевна! - картинно ужаснулся Егоян, округляя глаза. - У меня здесь только культура и искусство!

- Знаю я твою культуру и твое искусство, - проворчала Бакланова.

Данилов представлял себе местный клуб в виде зала со сценой, предназначенной для произнесения торжественных речей и выступления местной самодеятельности. О том, что в местах заключения есть самодеятельность, он знал из довлатовской «Зоны» и фильма «Комедия строгого режима». На самом деле клуб оказался куда больше. Кроме зала имелись комнаты для собраний досуговых кружков, библиотека, музыкальная гостиная с баянами, аккордеонами, гитарами и одной скрипкой и даже комната психологической разгрузки с мягкими креслами и большим аквариумом. Пол комнаты покрывал слегка потертый, но еще вполне приличный ковер, а одну из стен полностью покрывали фотообои с видом морского побережья: песок, вода, безоблачное небо и пальма с краю.

- Рыбки-то как, размножаются? - спросила Бакланова.

– Да, Лариса Алексеевна, только вот никак строим плавать не хотят! – ответил Егоян. – Но ничего, до конца срока время есть, научу...

– А ты им ШИЗО устрой в трехлитровой банке, – посоветовала Бакланова. – Сразу научатся.

– Там они передохнут, – вздохнул Егоян. – Рыба не человек, чтобы ко всему приспосабливаться...

Мосолов в клубе вел себя точно так же, как и в медчасти: скромно держался позади начальства, никуда не лез и никакой активности не проявлял. Прапорщик Сергеич молчал, вяло оглядываясь по сторонам и время от времени поправляя на голове фуражку. «Флегматик или просто перепил вчера?» – подумал Данилов и принюхался, но перегарного выхлопа от него не ощутил. Значит, флегматик.

Часть здания, в котором находился клуб, занимала школа с отдельным входом с торца и своей вывеской: «Муниципальное общеобразовательное учреждение вечерняя (сменная) общеобразовательная школа № 20 Монаковского района Тверской области».

– Никогда бы не подумал, что в колониях есть вечерние школы, – сказал Данилов.

– А как же без них? – удивилась Бакланова. – У нас примерно процентов десять осужденных не имеют среднего образования, вот и наверстывают. Школа называется вечерней, но основные занятия проводятся в ней по утрам.

– До работы, – догадался Данилов.

– Вместо работы, – делая ударение на слове «вместо» ответила Бакланова и добавила, чтобы внести полную ясность. – Школа нам не подчиняется. Она просто расположена на территории колонии, поэтому ее сотрудники могут получать в нашей медчасти только экстренную помощь. А то, некоторые, знаете ли, любят лишний раз померить давление или проконсультироваться.

– Измерение давления – это тоже часть экстренной помощи...

– Непрямой массаж сердца, остановка артериального кровотечения или шинирование перелома – вот что такое экстренная помощь! – перебила Бакланова. – Если всем начнете давление мерить, то вам работать некогда будет!

Данилов не стал развивать дискуссию, все равно начальницу не переубедишь, просто остался при своем мнении. Да и времени на нее не было, потому что в школьный вестибюль навстречу гостям вышел пожилой, совершенно седой мужчина со склеротическим румянцем на впалых щеках и сизым носом любителя алкоголя. От него исходил легкий запах спиртного. Мужчина оказался директором школы и тезкой Данилова, только отчество у него было другое – Михайлович. Бакланова тоже уловила спиртной дух, потому что строго посмотрела на Владимира Михайловича и укоризненно покачала головой. Но тот нисколько не смутился.

Школа состояла из четырех классов и кабинета информатики, в котором стояло шесть допотопных системных блоков с такими же мониторами. Во всех классах шли занятия. Бакланова не мешала, заглядывала в класс, махала рукой, продолжайте, не обращайтесь внимания, и шла к следующей двери. Двери классов можно было бы и не открывать, потому что вырезанные в них окна позволяли из коридора видеть и слышать все, что происходит внутри. Нетрудно было догадаться, что это сделано для того, чтобы сотрудники, дежурившие в коридоре и вестибюле, могли следить за учебным процессом и пресекать любые отклонения от него.

– Михалыч – заслуженный учитель, почетный работник образования и вообще замечательный мужик, – сказала Бакланова Данилову, когда они вышли из школы. – Можно сказать, что весь наш район и добрая половина Твери – это его ученики.

– Они все отбывали здесь срок? – изумлению Данилова не было предела.

– Ну что вы, нет, конечно. Это Михалыч раньше работал в нормальных школах.

Данилов отметил, что начальница сказала не «обычных», а «нормальных». Маленький штришок, а выразительный. Уточнять, почему Михалыч при своем опыте и регалиях теперь работает здесь, в колонии, не было нужды: и так ясно, что всему виной тесная дружба с зеленым змием. На территорию колонии

спиртное проносить запрещено, значит, выпивает он с самого утра, до прихода на работу.

Бакланова осматривала не только строения, но и всю территорию, которая, по мнению Данилова, была идеально чистой – ни бумажки, ни окурка, ни другого мусора.

Обогнув здание «зоновского» штаба, который, видимо, незачем было осматривать, Бакланова через плац направилась к общежитиям.

Каждое общежитие было огорожено трехметровым забором с будкой – контрольно-пропускным пунктом. Вместо аббревиатуры КПП некоторые говорили «вахта», «на вахте». Заборы делили жилую зону колонии на локальные участки («локалки»), внутри которых заключенным разрешалось свободное передвижение. Для того чтобы пройти в соседнюю «локалку» или, например, в медчасть, надо было объяснить администрации причину, записаться в особый журнал и получить разрешение. Но и при наличии разрешения осужденному полагался сопровождающий – сотрудник, старший дневальный или кто-то из числа активистов. Активисты передвигались внутри колонии без ограничений, такая у них была привилегия. Организованное передвижение заключенных, например, в столовую, промзону, баню или куда-либо еще осуществлялось строем, иногда с песнями.

Общежития представляли собой длинные узкие залы, тесно заставленные двумя рядами двухъярусных тщательно и однообразно застеленных кроватей. Две кровати стояли впритык друг к другу, образуя «купе», дальше был узкий проход и новое купе. Проход между рядами был широким, метра в полтора. Зеленые стены (в колонии был самым популярным именно такой цвет), красный охряной пол, серые одеяла и почти такие же застиранные простыни. На окнах висели коричневые занавески, не достававшие до пола. Посередине спинки каждой кровати крепилась белая табличка с данными владельца – фамилией, именем, отчеством, датой рождения, статьей, началом и концом срока.

На некоторых кроватях, укрывшись одеялами с головой, спали заключенные, никак не реагирующие на приход комиссии. Данилов догадался, что это спят те, кто работал или дежурил ночью. Бакланова подтвердила его соображения.

– Вторая смена отсыпается, – негромко сказала она. – У них подъем в четыре часа.

Кроме помещений отряда в общежитиях осматривали комнаты политико-воспитательной работы (зал с телевизором), раздевалки, комнаты хранения и сушки личных вещей, спортивные уголки, умывальники и туалеты. В кабинеты начальников отрядов и каптерки не заглядывали.

На первом этаже третьего по счету общежития, которое занимал пятый отряд (всего отрядов было тринадцать, последний, тринадцатый считался отрядом строгих условий содержания и находился в одном из двух одноэтажных общежитий, другое предназначалось для карантина), один из толчков в туалете оказался не просто грязным, а изрядно загаженным.

– Что это такое?! – рявкнула Бакланова, оборачиваясь к Мосолову и руководителю санитарно-бытовой секции третьего отряда, долговязому сутулому парню лет тридцати. – Если у вас во время моего обхода все засрано, что в другие дни творится?! Где начальник отряда?!

Начальника отряда, молоденького очкастого старшего лейтенанта, похожего на Шурика из «Кавказской пленницы» («Как только он со своими подопечными управляет?» – удивился Данилов) Бакланова пропесочила в его кабинете, без заключенных и на пониженных тонах – берегла авторитет. Смысл ее короткой речи сводился к суровым карам, которые Хозяин (начальник колонии полковник Скельцовский) не замедлит обрушить на головы нерадивых пофигистов.

– Будет тебе, Юра, и спасибо, и премия, и повышение по службе, если срочно за ум не возьмешься! – угрожающе прошипела Бакланова перед тем, как выйти из кабинета.

Что она написала в журнале, Данилов не видел. По пути в соседнюю локалку досталось Мосолову.

– Ты каждый день на обходы ходишь, а порядка в колонии нет! Смотри, Мосол, найду тебе замену...

– Буду стараться изо всех сил, гражданин майор! – отозвался руководитель санитарно-бытовой секции. – Только не надо замены, я вас прошу!

Было неясно: то ли он действительно боится потерять свою должность, то ли просто притворяется испуганным.

– А ведь это кто-то специально в чистом туалете нагадил, – сказала Бакланова Данилову. – Я на обходы хожу в одно и то же время, по одному и тому же маршруту. Ну, может, задержусь где на минуту, проработать народ... Вот и подгадали.

– Зачем?

– Кто их поймет? – Бакланова пожала плечами. – Может, кто-то начальнику отряда насолить решил или руководителю отрядной СБС (санитарно-бытовой секции).

– Начальник отряда такой... – спохватившись, Данилов проглотил слово интеллигентный, а то вышла бы неловкая двусмысленность, – ...молодой. Как ему удастся руководить заключенными?

Прапорщик Сергеич многозначительно хмыкнул и дернул головой.

– Удастся! – ответила Бакланова. – Юрка из всех отрядных начальников самый строгий. Сейчас придем в ШИЗО, можете сами убедиться – половина будет из третьего отряда. Молодые всегда самые строгие...

ШИЗО – это штрафной изолятор.

ПКТ – это помещения камерного типа.

Суть ШИЗО и ПКТ одинакова – это тюрьма внутри зоны, где в камерах содержатся злостные нарушители режима. Разница только в регламенте.

Заключенным, находящимся в штрафном изоляторе, запрещаются свидания, телефонные разговоры, приобретение продуктов питания, получение посылок, передач и бандеролей. Также им нельзя брать с собой имеющиеся у них продукты питания и личные вещи, за исключением полотенца, мыла, зубного порошка или пасты, зубной щетки и туалетной бумаги, не разрешено пользоваться книгами, газетами, журналами и прочей литературой, а также

запрещено курить. Постельные принадлежности в штрафном изоляторе выдаются только на время сна, а нары от подъема до отбоя положено держать поднятыми. Ежедневная часовая прогулка – единственная «привилегия» штрафного изолятора. Туда не следует водворять больше чем на пятнадцать суток.

В помещения камерного типа можно «закрыть» человека на срок до шести месяцев. Здесь можно ежемесячно расходовать на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости немного денег из собственных средств, лежащих на лицевом счету, получать в течение шести месяцев одну посылку или передачу и единственную бандероль. Разрешено иметь при себе не только средства гигиены, но и продукты питания, курево и спички. Также можно читать все виды печатной продукции, а также писать и отправлять письма, ежедневно гулять полтора часа, а с разрешения администрации исправительного учреждения получить в течение полугода «отсидки» одно краткосрочное свидание. Долгосрочные свидания отбывающим наказание в ПКТ не положены.

В ПКТ обычно попадают те заключенные, чьи буйные головушки не может охладить пребывание в штрафном изоляторе. Если пребывание в ПКТ не подействовало, а осужденный продолжает систематически нарушать режим, то его могут отправить в другое помещение камерного типа – ЕКПТ. Единые помещения камерного типа, в отличие от ШИЗО и ПКТ, находятся вне колонии и представляют собой отдельную структурную единицу. Пребывание здесь ничем не отличается от тюремного режима, тот же «каменный мешок», разница лишь в том, что отбывание срока или его части в тюрьме назначается судом, а взыскание в виде помещения в ЕПКТ налагается постановлением начальника исправительного учреждения или лица, его замещающего. Это сугубо мужское удовольствие, женщин сюда не отправляют. Женщин и в ПКТ нельзя закрывать более чем на три месяца, такое им уважение оказывает уголовно-исполнительная система.

Для нарушителей режима в колонии также имелся отряд со строгими условиями содержания (СУС), занимавший отдельное одноэтажное общежитие.

Штрафной изолятор и помещения камерного типа ПК № 13/21 находились в одном трехэтажном здании, огороженным дополнительным забором в виде сетки и большого количества колючей проволоки. Осмотры камер не заняли много времени. Майор Бакланова была скоростной, да и разглядывать особо

было нечего. Камера чистая, эскизы опрятные, значит, пошли дальше. Здесь инспекцию водил сам начальник майор внутренней службы Башков. Башков был невысок и коренаст. Голова у него была небольшой, размера пятьдесят шестого, если не меньше, не в соответствии с фамилией. С Баклановой Башков держался подчеркнуто-официально («Разрешите, товарищ майор...», «Пожалуйста, товарищ майор»). Чувствовалось, что отношения между ними были довольно натянутыми.

Данилову при знакомстве Башков подал руку, назвал свое имя-отчество (Алексей Евгеньевич) и поинтересовался, в курсе ли уже Данилов насчет специфики ШИЗО. Тот вопроса не понял, а Бакланова ответила, что не все сразу, успеется. Когда все шли из жилой зоны в промышленную, Бакланова услала Мосолова вперед предупредить о своем появлении и, остановившись метрах в трех от КПП промзоны, сказала Данилову:

– Среди осужденных попадают такие отпетые, на которых можно воздействовать только силой. Слова не помогают, только кулаки.

Многозначительный взгляд должен был усилить впечатление, но на Данилова он не подействовал.

– Я – врач, мое дело – лечить, – сказал он, глядя в прищурившиеся от яркого солнечного света глаза Баклановой.

– Этого вам никто не запрещает. Главное, не выносите сор из избы! – строго сказала Бакланова и пошла к КПП.

«Рабочих мест у меня было много, – подумал Данилов, – и все такие разные, а главный принцип везде один – ничего не выносить. Стараться, чтобы сора не было, это другой вопрос, второстепенный, главное, чтобы ни о чем не распространяться».

В промышленной части колонии, сокращенно называемой «промкой», было многолюдно. Будний день – заключенные работают. Она состояла из трех больших одноэтажных цехов. В одном делали мебель – столы и стулья, в другом – металлические кровати, в третьем шили форменную одежду как для заключенных, так и для сотрудников. Здесь, в отличие от жилой зоны, было грязновато, особенно там, где обрабатывали дерево и металл. Раза три

Бакланова сделала замечания, правда, на ходу, без показательных выволочек. Возмутилась она только один раз, войдя в туалет швейного цеха, где от обилия рассыпанной хлорки сразу же перехватывало дыхание и начинали слезиться глаза. Пока все под надзором Мосолова приводили в порядок, Бакланова распекала начальника цеха – сильно немолодого капитана, а Данилов наблюдал за тем, как работают заключенные. Кто-то работал сноровисто, кто-то ни шатко ни валко, некоторые откровенно лодырничали. Данилов обратил внимание на то, что швейные машинки разные, какие-то выглядели очень старыми и заслуженными, другие были поновее.

– Интересуетесь процессом? – спросила подошедшая Бакланова.

– Знакомлюсь, – ответил Данилов.

– Если что пошить захотите, обращайтесь к Кормилину, – Бакланова указала глазами на капитана. – Сделают в лучшем виде.

– Не захочу, мне покупной одежды хватает.

– Это большое счастье, когда легко купить вещи по фигуре, – вздохнула Бакланова, одергивая китель. – А я вот пока что-то подходящее подберу, так намучаюсь...

Последняя фраза прозвучала доверительно и даже несколько интимно. «А нравы здесь, однако, простые», – подумал Данилов.

Впечатление от майора Баклановой было двояким. Посмотришь, с одной стороны, вроде бы авторитарная личность с налетом самодурства, с другой – вроде бы и ничего. В сравнении с начальником колонии Бакланова сильно выигрывала.

Аудиенция у Хозяина была короткой, не дольше пяти минут, но этого времени Данилову с лихвой хватило для того, чтобы записать полковника Скульцовского в солдафоны и самодуры. Осознанно или неосознанно подражая французскому королю Людовику XIV, сказавшему однажды: «Государство – это я!» – начальник колонии через слово повторял: «Здесь один закон – мое слово!» А еще у него был неприятный взгляд – тяжелый и презрительный.

Данилов заранее решил, что не станет сообщать Елене о своем новом месте работы до тех пор, пока не отработает несколько дней и не убедится в том, что работать в колонии можно. Он, в глубине души, не исключал того, что близкое знакомство с потусторонней реальностью может быть настолько шокирующим, что придется сразу увольняться. Но раскрыть тайну пришлось уже вечером первого дня работы, потому что Елена позвонила Данилову в тот момент, когда он шел от остановки служебного «пазика» к общежитию, поинтересовалась, с какой стати он завел моду надолго отключать днем мобильный телефон.

– На новой работе мне нельзя пользоваться мобильным, я оставляю его на проходной, – ответил Данилов и, не дожидаясь следующего вопроса, сообщил. – Я не стал возвращаться в ЦРБ, потому что там ничего хорошего ждать не приходится, а устроился врачом в колонию.

– В какую?

– В исправительную. Здесь же, в Монаковском районе.

– Это туда, где сидят?

– Ну, там не только сидят, но и ходят, и спят...

– Вова, оставь свои шуточки! – Елена повысила голос так сильно, что Данилов едва не выронил трубку. – Ты что, на самом деле устроился врачом на зону?!!

– Да. Хорошая зарплата, работа пять дней в неделю, без авралов...

– И возможность в любую минуту быть убитым! – продолжила Елена. – Данилов, ты что, с ума сошел?

– Если ты помнишь, в Москве у меня с трудоустройством были проблемы...

– Я предлагала тебе хорошие варианты, но ты не захотел! Ты же любишь все делать сам! Данилов, я просто не знаю... Я не знаю, чем ты думаешь!

– Головой...

– По-моему, ты вообще не думаешь! Нет, ну надо же! Всякий раз – как обухом по голове!

– Успокойся, пожалуйста, а через пять минут я тебе перезвоню, – сказал Данилов и отключился.

Для продолжения разговора общезнание с его чудесной слышимостью не подходило. Данилов избегал делать личную жизнь достоянием общественности. Скамейка в уединенном тенистом месте – то, что нужно. Данилов сел, посмотрел на часы, пару минут полюбовался могучим раскидистым кленом, даже погладил его рукой по шершавой коре, и позвонил Елене.

– Данилов, скажи, что ты меня разыграл! – услышал он после первого длинного гудка.

– Нет. Я действительно устроился работать в колонию. И не вижу в этом ничего сверхъестественного, Лен. Ты так волнуешься, словно я не работаю там, а отбываю срок.

– Отбывать срок – это еще как-то понятно, – возразила Елена. – Срок отбывают не по своей воле. А вот взять и по собственному желанию устроиться туда на работу, да еще при наличии вариантов в Москве – это уже нечто! Нонсенс или парадокс, не знаю, как лучше выразиться!

– Нонсенс – бессмыслица, парадокс – нечто удивительное, нелогичное. Оба слова здесь не годятся.

– Не учи меня, пожалуйста!

– Я и не собирался. Просто хотел вежливо намекнуть на то, что ты перегибаешь палку. Ну, работаю я теперь в колонии, и что с того?

– Там же убивают!

– На «Скорой» убивают больше...

– Не передергивай!

– Я и не думал передергивать. Посуди сама: там ты едешь один или с фельдшером по квартирам, не зная, где на кого наткнешься, – голова сразу же начала болеть, словно напоминая о давней производственной травме, – а здесь заключенные находятся под постоянным присмотром и никакого вреда причинить не могут.

– Да уж – не могут! – фыркнула Елена. – Что я, телевизор не смотрю?! Зэки обожают устраивать бунты и чаще всего берут в заложники медицинских работников!

– Если кто-то где-то когда-то попал под трамвай, то это не обязательно должно случиться с каждым из нас, – рассудительно сказал Данилов, стараясь, чтобы его голос звучал как можно мягче, без раздражения. – И вообще, чтоб ты знала, в этой колонии просто образцовый порядок. Даже рыбок в аквариуме учат плавать строем.

– Они там что, совсем охренели?

– Это была шутка, – Данилов вздохнул, понимая, что сегодня нормального разговора не получится. – У тебя какие планы на субботу?

– Отоспаться! – буркнула Елена. – Если получится.

– Получится, – заверил Данилов. – Я приеду в Москву в час с небольшим, пока доберусь до дома, будет уже около двух, так что выспишься превосходно.

– А нельзя ли мне приехать в субботу и посмотреть твое новое место работы? – поинтересовалась Елена.

– Нельзя, внутрь пускают только родственников заключенных, да и то не дальше штаба.

– Жаль.

– Такой порядок. Так я приеду?

– Приезжай, конечно, буду рада, – ответила Елена, но никакой радости в ее голосе не чувствовалось. – Только не вздумай явиться с оружием!

– С че-е-ем? – не понял Данилов.

– С оружием! Тебе разве не выдали пистолет для самообороны?

– Ты что, Лен?! Ты еще про погоны вспомни. Я обычный вольнонаемный сотрудник, гражданский человек. И если хочешь знать, на территории колонии с оружием ходят только часовые на вышках. Все остальные – с дубинками и баллончиками со слезоточивым газом.

– Представляю тебя с дубинкой!

– Я имел в виду охрану, а не себя! – рассердился Данилов. – Мне, как врачу, ничего, кроме фонендоскопа, не положено!

– Если у вас так спокойно и безопасно, то почему охрана ходит с дубинками?

– Потому что таковы традиции. Если хочешь, я буду звонить тебе каждый вечер и докладывать, что со мной все в порядке.

– Звони, когда хочешь, только будь осторожен, не лезь на рожон и не совершай подвигов. Обещаешь?..

– Клянусь! – ответил Данилов.

Кажется, пронесло. Он опасался, что Елена воспримет новость более бурно, но все обошлось малой кровью. Теперь можно было купить пива, закуски и пригласить Конончука в свои апартаменты (по договоренности с больничным завхозом Данилов заселился в свою бывшую комнату 12-а) на небольшое домашнее торжество по поводу выхода на новую работу.

Глава третья

Один день Владимира Александровича

– Сегодня осмотр этапа, – объявила майор Бакланова. – Двадцать семь осужденных. Олег Алексеевич, смотри, не напортачь!

Неправильное ударение на «у» больше не резало слух Данилову, мало того, он понемногу начал считать этот вариант произношения правильным. Ведь что такое норма? Показатель, свойственный большинству.

– Ну, сколько можно вспоминать, Лариса Алексеевна! – страдальчески простонал двадцатилетний стоматолог Глухов. – Ошибся разок, с кем не бывает...

Глухов считал, что лучше быть лейтенантом внутренней службы, нежели армейским, и потому после окончания института устроился на работу в колонию. Он постоянно сетовал на отсутствие возможностей для совершенствования и профессионального роста. Со стоматологическими материалами и оборудованием в колонии было плохо. Потому зубы лечили по старинке, большей частью просто удаляли, когда с минимальным обезболиванием, иногда и без оного.

У Баклановой Глухов ходил в фаворитах. Против природы не попрешь, даже при отсутствии своих детей хочется кого-то опекать, наставлять, гладить по голове. От глажения по голове Бакланова воздерживалась, а опекала и наставляла Глухова по полной программе.

– Сколько нужно, столько и можно! – нахмурилась Бакланова. – Ошибка – когда здоровый зуб вместо больного выдергивают, а когда путают стоматологические карты, это преступная халатность! Врач, допустивший такое, становится невольным пособником в случае побега!

– Пособником считается тот, кто помог сбежать, – возразил Глухов.

– И тот, кто помог скрыться! – Бакланова хлопнула по столу короткопалой ладонью. – Допустим, сбежавший зэк сделает пластическую операцию, полностью изменив свою внешность. Как его опознавать? По стоматологической карте! А лейтенант Глухов по безалаберности карты перепутал, Иванова к Сидорову записал, а Сидорова к Иванову!

Собравшиеся на утреннее совещание (слово «пятиминутка» здесь не употреблялось) в кабинете начальника медчасти заулыбались.

– Надо всегда думать о последствиях! – еще один хлопок ладонью о стол. – Как только что-то такое случается, берут за жабры всех причастных, и каждому приходится самостоятельно доказывать, что он не верблюд, а белая лебедь! Поэтому с картами, Олег Алексеевич, будь аккуратен, а вы, терапия, – Бакланова обернулась к Данилову и его медсестре, – четко описывайте татуировки, родинки и шрамы.

– Татуировку можно свести, родинку удалить, а зубы вставить по новой... – пробурчал себе под нос Глухов.

– Товарищ лейтенант! – Бакланова повысила голос. – Еще одно слово, и будет выговор!

Глухов сверкнул глазами, но промолчал. У майора Баклановой угрозы не сильно расходились с делом. Пообещала выговор, значит, будет.

– Все свободны! – объявила Бакланова. – Владимир Александрович, задержитесь.

Данилов сел на стул, с которого только что поднялся.

Когда все вышли, Бакланова спросила:

– Вопросы по приемке этапа есть?

– Нет, – Данилов не видел в медицинском осмотре прибывших ничего особенного, осмотр – он и в Африке осмотр, и в исправительной колонии.

– Хорошо, если что, Марина всегда подскажет. Как вы с ней, сработались уже?

– Да.

Медсестра Марина делала все, что было положено ей по должностным обязанностям, отвечала на вопросы, изображала улыбку, если Данилов шутил, и

все. Сама разговоров не заводила, несмотря на то что свободного времени в обычные, безэтапные, дни было достаточно, в ответ на шутки не шутила и вообще была какая-то снулая, что ли. Данилов даже поинтересовался у Конончука, лучше знакомого с обстановкой, не тяготит ли ее какое-нибудь горе, но в ответ услышал, что вроде бы ничего, если не считать одиночества, но из него вряд ли стоит делать трагедию.

- Или обратитесь к Бяковскому...

Лейтенант внутренней службы Александр Сергеевич Бяковский, за совпадение имени и отчества с классиком прозванный Пушкиным, считался лучшим фельдшером медчасти. «Двадцать пять лет на зоне! – говорил о себе Бяковский. – Таким сроком мало кто из осужденных может похвастаться!» Всем медсестрам, в том числе и старшей, Бяковский при каждом удобном случае напоминал, что он, как фельдшер и лейтенант, относится к начсоставу, а они – к младшему начсоставу. В разговорах с врачами Бяковский неизменно напирал на то, что опыт куда важнее диплома. Данилов с его недолгим сроком работы в колонии слышал это уже дважды. С заключенными Бяковский был неизменно груб. Нормально, даже заискивающе-подобострастно он держался только с начальством. Майор Бакланова считала Бяковского ценным сотрудником, начальник колонии здоровался с ним за руку, все остальные дружно сходились на том, что Пушкин – придурок, и ничего более. Спрашивать что-то у него Данилов никогда бы не стал, потому что знал, что вместо ответа или совета придется выслушать очередную тираду, посвященную приоритету опыта над дипломом.

- Скажите-ка мне, Владимир Александрович, – Бакланова обожала устраивать летучие экзамены, – когда в исправительных учреждениях положено проводить полные телесные осмотры?

- Осмотр прибывшего этапа, осмотр на наличие телесных повреждений после драк или при подозрении на издевательства по направлению оперативного дежурного с составлением акта телесного осмотра, осмотр после применения спецсредств...

К специальным средствам относились наручники и резиновые палки, предназначенные для отражения нападения заключенных или пресечения неповиновения.

- ...при освидетельствовании на наркотическое опьянение, когда надо найти следы инъекций на теле, и на амбулаторном приеме, если есть необходимость.

- Забыли про осмотр при подозрении на наличие свежей татуировки, - добавила Бакланова. - Вы в курсе, что их нанесение запрещено, за это полагается шизо?

- Да, - кивнул Данилов. - Только если бы мне не сказали, то сам я в жизни бы не догадался. Каждый с татуировками.

- Но тем не менее сделать татуировку в колонии - серьезный проступок. По результатам осмотра в этом случае мы составляем акт только тогда, если находим свежую татуировку. Ничего не нашли - ничего не пишем...

Прием этапа - не просто прием осужденных в колонию для отбывания срока (пересчитали, сверили, и до свидания), а гораздо более сложная процедура. Прием этапа - знакомство осужденных с тюрьмой и учреждения с осужденными. Прием этапа - полное (по мере возможностей, разумеется) медицинское освидетельствование осужденных и выдерживание их на карантине в течение двух недель. Он нужен для того, чтобы помешать распространению инфекционных заболеваний.

Этапирование заключенных можно охарактеризовать одним словом - мытарство. В спецвагонах и спецмашинах тесно и душно, кормят в дороге плохо, если ехать не больше суток, могут не накормить ни разу, поэтому пассажиры прибывают в колонию далеко не в лучшей физической форме и не в лучшем расположении духа. Некоторые заключенные в основном первоходки, едущие отбывать первый срок, в дороге хорохорятся, пытаются по-быстрому заработать авторитет. Про таких людей бывалые зэки с иронией говорят: «На этапе мы вора, а на зоне - повара», - намекая на то, что косившие под блатных по прибытии на зону покорно идут работать, чего настоящие блатные избегают.

В «красных» колониях, там, где власть находится в руках администрации, этапы принято принимать сурово, чтобы сразу дать понять спецконтингенту, кто на зоне хозяин. Да и в «черных» зонах, где за порядком больше смотрит братва, сотрудники при знакомстве «гонят жуть», то есть пытаются нагнать страху на новеньких, чтобы прочнее утвердить свою власть.

Вначале заключенных пересчитывают по головам, сверяют результат с указаниями в сопроводительной документации. Затем их выстраивают в шеренги, и начинается так называемая приемка по личным делам. Дежурный помощник начальника колонии (ДПНК) или его помощник берет в руки личное дело заключенного и выкрикивает его фамилию. Названный должен выйти из строя, подбежать к принимающему, внятно назвать фамилию, имя, отчество, год рождения, статью и срок. Принимающий сверяет услышанное с тем, что написано в личном деле. Если вопросов нет, то зэк возвращается в строй и вызывается следующий.

После приемки, которая обычно происходит на улице, этап ведут на обыск, или, по-лагерному на шмон. Новоприбывших принято шмонать по полной: раздевать догола, заглядывать во все естественные отверстия (шарик опиума можно преспокойно пронести в ухе), осматривать одежду и обувь с прощупыванием швов, сумки и мешки.

Обыскав новичков, их ведут в баню, превращающуюся в момент прибытия этапа в санпропускник. Здесь их стригут наголо, отбирают всю одежду для санитарной обработки («в прожарку»), выдают черную робу (лагерную форму) и отправляют мыться. После бани этапированные размещаются в отдельном общежитии на карантин, получают постельные принадлежности, пишут бирки и пришивают их к форме.

Далее следуют индивидуальные процедуры»: медицинский осмотр, беседы с психологом, социальным работником, сотрудниками отдела по воспитательной работе с осужденными, местными оперативниками, или, если по фене, «кумовьями».

Врач осматривает и заносит данные в карту, психолог и социальный работник изучают личность осужденного и помогают ему адаптироваться к отбыванию наказания на зоне (во всяком случае, так должно быть в идеале). «Воспитатели» объясняют местные порядки, а оперативники прощупывают и предлагают работать на них, заниматься стукачеством. Возможно предложение о написании заявления с просьбой о приеме в самодеятельные организации осужденных – в досуговые или санитарные секции. Кроме того, всех новоприбывших положено под расписку предупреждать о том, что в учреждении осуществляется надзор и контроль с помощью технических средств (видеокамер).

Если у начальника колонии есть время и желание, он встречается с новичками, только она носит уже не индивидуальный, а групповой характер. Начальники обычно рассказывают о том, чего они требуют от контингента, и отвечают на вопросы.

Администрация колонии может попытаться «обломать» новичков «по сто шестой статье», привлечь находящихся в карантине к мытью полов, подметанию территории, уборке мусора или перекопке земли на газонах. Согласно статье 106 Уголовно-исполнительного кодекса РФ допускается привлечение осужденных к работам по благоустройству исправительных учреждений и прилегающих к ним территорий без оплаты труда. Оно должно производиться в порядке очередности в свободное от работы время, и продолжительность этих работ не должна превышать двух часов в неделю (правда, в случае необходимости она может быть увеличена постановлением начальника исправительного учреждения). Инвалиды первой или второй группы и мужчины старше шестидесяти лет привлекаются к подобной работе только по собственному желанию. Блатным хозработы грозят немедленной и пожизненной утерей своего статуса, поэтому они наотрез отказываются брать в руки метлу, швабру или лопату. За нарушение сто шестой статьи традиционно полагается пятнадцать суток ШИЗО. Если по истечении пятнадцати суток осужденный продолжает стоять на своем, ему навесят еще столько же, а там и до помещения в ПКТ недалеко. Чтобы избежать ШИЗО и прочих неприятностей, многие осужденные отказываются от работы, ссылаясь на плохое самочувствие или наличие хронических заболеваний, что добавляет хлопот медработникам.

Обыскивать этапированных надо сразу при поступлении, медосмотр можно отложить до следующего дня, в этом нет ничего страшного. Если кто-то из новоприбывших серьезно болеет, он может обратиться к дежурному фельдшеру, чтобы получить совет, возможно, по показаниям, таблетку или укол. Сам медосмотр много времени не занимает («Раздевайтесь... Хронические заболевания есть?.. Сейчас что-либо беспокоит?.. Одевайтесь!»). Поэтому на него водят группами по 20–30 человек. Чтобы водить на медосмотр человек по пять, не хватает сотрудников.

С появлением этапированных в коридоре медчасти сразу стало не только тесно, но и шумно. Несмотря на окрики инспекторов, заключенные никак не желали уgomониться. Данилов запустил в кабинет первого в очереди.

Зэк оказался донельзя нудным – вывалил на Данилова кучу жалоб, назвал множество хронических заболеваний, начиная с бронхита и заканчивая камнями в почках, но впечатления человека болезненного не производил. Небольшая бледность – не показатель, в следственных изоляторах почти все такие. Длительное пребывание в камере если и вызовет румянец на щеках, то только чахоточный.

Было видно, что зэку очень хочется попасть на некоторое время в стационар, чтобы отдохнуть в комфортных (по тюремным понятиям) условиях. Когда Данилов после осмотра сказал, что показаний к госпитализации не находит, зэк зыркнул в сторону медсестры и поинтересовался, нельзя ли «перетереть» с «Айболитом» с глаза на глаз. К тому же он имел наглость заговорщицки подмигнуть Данилову так, словно тот был его дружкой или подельником. Данилов, за две недели успевший привыкнуть к вежливому и сдержанному поведению спецконтингента, немного опешил и не одернул наглеца сразу же, как того требовал местный этикет. Положение и репутацию Данилова спасла Марина, гаркнувшая:

– Рапорт захотел?! Сейчас будет! У нас с этим быстро! Вместо карантина в ШИЗО посидишь, сразу поправишься!

– Ну, что так прямо, – укоризненно развел руками зэк, – я просто поинтересовался...

– Интересоваться у жены будешь, если она тебя дождется! – отрезала Марина, снова впадая в обычное полусонное состояние.

Данилов отправил зэка в коридор и сказал следующему по очереди, чтобы тот подождал минуту-две.

– Спасибо, Марина, – сказал он медсестре.

– Не за что! – буркнула Марина. – Просто их нельзя распускать – на шею сядут! Вы, Владимир Александрович, извините меня, конечно, но я скажу уж как есть: вы иногда с хорошим отношением перебарщиваете. Этого пассажира надо было разворачивать сразу же после того, как он начал языком молотить. Все они больные, только мы здоровые! Завязывайте с добротой как можно скорее, спокойней работать будет.

«Первый раз в жизни меня критикуют за хороший характер, – подумал Данилов. – Лене расскажу, так она ж мне не поверит».

– Если разрешите, я займусь следующим сама, – предложила Марина. – В качестве наглядного примера.

– Спасибо, не надо, – отказался Данилов и, опасаясь, что Марина обидится (всегда неприятно, когда ты предлагаешь что-либо от чистого сердца, а слышишь в ответ отказ), добавил: – Не годится перекладывать на вас мою работу.

– Как скажете, – ответила Марина, но вроде бы не обиделась.

Следующий зэк был молод – двадцать восемь лет, но уже получил второй срок. Он не жаловался на самочувствие, но сообщил, что два года проучился в фельдшерском училище, поинтересовался, не нужны ли в медчасти санитары. Данилов ответил, что подобные вопросы надо решать после карантина при участии начальника отряда.

Огорченный зэк не успел выйти в коридор, как оттуда послышались крики и приглушенные звуки ударов твердым по мягкому.

– Начинается, – поморщилась Марина.

Дверь распахнулась, на пороге появился незнакомый Данилову прапорщик в пятнистом камуфляже и сдвинутой на затылок фуражке.

– Выходи! – скомандовал он зэку.

Тот встал и, опасливо косясь на дубинку в правой руке прапорщика, вышел в коридор.

– Технический перерыв! – объявил прапорщик Данилову и Марине, прежде чем закрыть дверь.

Крики сменились стонами. Звуки ударов внезапно прекратились, и раздалась команда: «Выходи!» Протопали шаги, хлопнула дверь, и все стихло.

– Редко когда этап не борзанет, – сказала Марина и, увидев непонимание в глазах Данилова, перевела: – Почти каждый раз кто-то да попробует качать права. Но у нас это быстро лечат.

– И долго продлится наш перерыв?

– До завтра! – хмыкнула Марина. – Сейчас им вправят мозги, потом начнут приходить в себя... Вам, кстати, про освидетельствования Лариса Алексеевна говорила?

– Вроде нет, – на Данилова в последнее время обрушилась столь огромная лавина информации, что нетрудно было что-то и упустить. – Не припомню.

– Если вам придется освидетельствовать спецконтингент на предмет телесных повреждений, прежде всего надо узнать причину. Если двое осужденных подрались между собой – пишите, как есть, если же осужденному навалили сотрудники, то надо, это самое, сглаживать.

– Как именно?

– Ну, не описывать слишком уж подробно, – медсестра многозначительно посмотрела на Данилова. – Написать что-нибудь легкое или что ничего нет. В тюрьме не принято подставлять своих.

– Это нигде не принято, – ответил Данилов. – Только каждый вкладывает в слово «подставлять» свой смысл. Кстати, Марина, а почему вы говорите «в тюрьме», а не «в колонии»?

– Тюрьма – общее неформальное название всех учреждений в нашей системе, а не вид режима. Наша медчасть не что иное, как тюремная больница. А вы, Владимир Александрович, – тюремный доктор. Нравится вам такой титул?

– Хоть горшком назови, только в печку не ставь, – отшутился Данилов.

Медсестра не улыбнулась. Она поперекидывала с места на место бумажки, лежавшие на столе, и встала.

– Я к старшей медсестре, – сказала она в ответ на вопросительный взгляд Данилова и добавила: – Пока все равно делать нечего.

– И часто здесь подобное затишье? – поинтересовался Данилов.

– Почти каждый день. Карты этапников пусть лежат у меня на столе до завтра, не надо их уносить. Будете выходить, дверь не запирайте.

– А я только-только хотел спросить, у кого можно получить ключ от кабинета.

– Они у дежурного инспектора. Днем у нас все двери открыты, проще контролировать, не приходится гадать о том, что там за запертой дверью творится – никого нет или кто-то из осужденных доктора на кусочки режет...

После ухода медсестры Данилов посидел несколько минут в кабинете, привыкая к новой работе, а затем поднялся на второй этаж, чтобы сделать обход своих пациентов. Писанины в тюремной больнице было меньше, нежели в обычных поликлиниках. Записи в медицинской карте заключенного, находящегося в стационаре, положено делать один раз в три дня в случае легкого течения заболевания и ежедневно при состоянии средней тяжести или серьезном положении. Начальнику медицинской части полагается осматривать стационарных больных не реже одного раза в неделю, тяжелых – ежедневно. Кроме того, начальник медицинской части проводит осмотр больных при поступлении и перед выпиской из стационара. Иначе говоря, кому и сколько лежать, решала майор Бакланова. Она же назначала лечение. Данилову предстоял ежедневный контроль за состоянием больных терапевтического профиля.

– Не балуйте спецконтингент вниманием! – несколько раз напоминала Бакланова. – Зашли, спросили, как дела, и ушли. Я полноценно осматриваю раз в неделю. Чаще – только если серьезные жалобы или состояние ухудшилось.

Свободного времени у Данилова было достаточно, поэтому он сделал полноценный обход. Оставил записи в картах, проконтролировал назначения. Он подумал о том, что любой вольный стационар, жалующийся на нехватку

лекарств, в сравнении с тюремной больницей можно считать купающимся в роскоши. Два антибиотика, один анальгетик, одно отхаркивающее, один антигистаминовый препарат... Зато можно передавать лекарства с воли, но только с санкции врача.

Вид из зарешеченного окна, выходящего во двор, был унылым. Асфальт, сетки оград, колючая проволока, осужденные, сотрудники. Здесь все выглядело каким-то серым и тусклым. «Тоскливо здесь, – подумал Данилов. – Это мне, сотруднику. А каково тем, кто здесь сидит?»

– Какие будут распоряжения?

Погрузившись в думы, Данилов не заметил подошедшего санитаря из осужденных. Санитар был высок, щербат и лопоух.

– Никаких, – ответил Данилов и спустился на первый этаж.

Двое заключенных ждали очереди к стоматологу, один перетаптывался с ноги на ногу перед кабинетом хирурга. В терапевте Данилове никто не нуждался. Кабинет был пуст, Марина еще не пришла.

Данилов постоял немного перед единственным висевшим в его кабинете плакатом. Он был самодельным, написанным по транспаранту на листе ватмана. От времени лист пожелтел, а черная тушь немного выцвела. «Спецконтингент должен быть не менее одного раза в год осмотрен врачами-специалистами: терапевтом, психиатром, стоматологом или зубным врачом», – напоминал плакат. Дальше шел перечень того, что следует проводить в ходе осмотра: сбор анамнестических данных, антропометрическое исследование с измерением роста и массы тела, определение остроты зрения и слуха, туберкулинодиагностика, исследование общего анализа крови и общего анализа мочи, электрокардиограмма, флюорография или рентгенография органов грудной клетки и пневмотахометрия (метод функционального исследования легких с оценкой проходимости бронхов по величине объемной мощности вдоха и выдоха). Более унылого плаката вообразить было невозможно. «Хоть бы змею с рюмкой изобразили бы, что ли», – подумал Данилов.

Он сел за стол, подпер щеку рукой и прикинул, чем можно заняться сегодня после работы. Решил, что не спеша прогуляется по Монакову, непременно

заглянет в павильончик, торгующий дисками, – поинтересоваться новинками кинопроката. Можно и из старого что-то взять. В Монакове фильмы не только продавались, но и выдавались напрокат за небольшую плату. В этом плане провинция выгодно отличалась от Москвы, где видеопрокаты давно уже не попадались Данилову. Или, может, он просто ходил не теми дорогами.

– Сан Саныч, из мебельного цеха звонят! – голос у старшей сестры Галанкиной и без того был зычным и звучным, а сейчас она повысила его, и, несмотря на закрытую дверь кабинета и некоторое расстояние, Данилов превосходно слышал каждое слово. – Какой-то ...удак из пятого отряда прибил себя к стулу! Я сказала, чтобы его тащили сюда прямо так...

Заинтересовавшись новостью, Данилов вышел в коридор.

– Вот баловник! Лучше бы гвоздь выдернуть, и нести его сюда без стула, – отозвался из процедурного кабинета Сыров. – А если бы он себя к столу прибил? Я – хирург, а не слесарь, и гвозди дергать не обязан. Что он хоть прибил? Опять мошонку?

– Да, – кивнула старшая сестра.

– Зачем? – спросил Данилов. – На спор, что ли?

– Чтобы отдохнуть у нас немного, – ответила Галанкина.

– Не говорите, Лидия Ивановна, – Сыров вышел в коридор, вытирая руки полой халата. – Санникова помните?

– Полотенце же есть, Сан Саныч, – укорила старшая сестра.

– Оно грязное, – отмахнулся Сыров.

Увидев Данилова, он остановился и стал рассказывать:

– Был у нас такой извращенец в третьем отряде, обожал глотать железо. И не для того, чтобы на койке поваляться или срочно из барака слинять, а из чистой любви к искусству. То на промке гвоздей нажрется, то в столовой ложку

проглотит... Двинул кони в областной больнице во время операции. Хоть и грех радоваться, но я вздохнул с облегчением, он мне вот как надоел!

Сыров провел ребром ладони по горлу.

– Психиатру не показывали? – спросил Данилов.

– Два раза. Ничего не находили, психика без отклонений...

«Баловника», бледного и всего какого-то обмякшего, действительно притащили в медчасть на стуле. Впрочем, так даже удобно – двое подхватили за ножки, один – за спинку. Транспортировку осуществляли трое заключенных, сопровождаемые капитаном и прапорщиком. У прапорщика на поясе висела дубинка. Капитан без остановки матерился и грозил пострадавшему штрафным изолятором.

Изолятор пришлось отложить, потому что после извлечения гвоздя и обработки раны хирург, с разрешения майора Баклановой, госпитализировал «баловника». Данилов от нечего делать наблюдал за оказанием помощи. На «Скорой» ничего подобного ему не попадалось.

– До завтра, – сказала капитану Бакланова, когда раненого увели наверх. – Если не распухнет, выпишем.

– Да он же туда специально инфекцию занесет, чтобы подольше у вас пробыть, – ответил капитан. – Может, вы ему руки к кровати пристегнете?

– Сан Саныч, будь добр, поднимись и скажи ему, что если начнется воспаление, то ты ему все на хрен отрежешь! – распорядилась Бакланова, решив, что угроза кастрации работает надежнее наручников.

– А если он еще раз выкинет подобный фокус, я ему сам все оторву! – пообещал капитан и ушел.

– Чего только они не делают! – сказала Бакланова Данилову, имея в виду осужденных. – Вы вообще как, Владимир Александрович, в мастырьках разбираетесь?

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/andrey-shlyahov/doktor-danilov-v-tyuremnoy-bol-nice>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)